

Янкович Наталия

СОВРЕМЕННОСТИ
И КЛАССИКИ

Другой мир

Современники и классики

Наталия Янкович
Другой мир. Том 1

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Янкович Н. В.

Другой мир. Том 1 / Н. В. Янкович — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2017 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-906916-96-9

Главный герой попал в сказку – в тот мир, где люди чаще смеются, работа приносит удовольствие, неизлечимых болезней не бывает. Нет денежный отношений, но очень ценятся чувства, единение с природой, душевный комфорт. В этом мире захотел бы оказаться каждый из нас. Но есть и другой мир, к которому пришло человечество в результате своего существования. И этот мир может исчезнуть с лица земли в любой момент, его надо спасать... пока ещё есть время. Роман о нас, о том, как мы живём, и о великой силе любви, благодаря которой есть шанс выжить.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906916-96-9

© Янкович Н. В., 2017
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2017

Содержание

Предисловие	6
Александр Гриценко	8
Владимир Васильев	15
P.S. От Александра Гриценко	18
Об авторе	19
Часть первая:	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталия Валерьевна Янкович

Другой мир. Том 1

© Наталия Янкович, 2017

© Интернациональный Союз писателей, 2017

Предисловие Разные мнения

Так получилось, что в преддверии выхода новой книги Наталии Янкович «Другой мир» появилось много разнополярных суждений. Издательство предоставило промо-экземпляры критикам, писателям и выборочно обыкновенным людям, поэтому высказываются все. И это важно для литератора. В конце концов, нет ничего дороже для автора, чем его читатель.

В основном хвалят. Кто-то удивляется точности образов. Кто-то критикует за то, что история закончилась, а герои так полюбились, и с ними не хочется расставаться.

Дело автора, когда завершать роман или серию книг, однако нужно чутким ухом следить за настроением поклонников, а для «глухих» писателей есть история Стивена Кинга «Мизери»...

О поклонниках пока все. Еще интереснее, когда обсуждают новый текст коллеги, авторитетные и уже состоявшиеся. Писатели – самовлюбленные люди и часто читают только свои тексты. Вспомните пьесу Чехова «Чайка» и отношения состоявшегося литератора с молодым, Тригорин прочитал в журнале только свои тексты... Ничего не изменилось, а уж чтобы «авторы в законе» обсуждали кого-то, не важно, какое у них мнение – лестное или наоборот... Такое обсуждение – при любых обстоятельствах событие. Нарциссизм деятелей литературы редко позволяет замечать кого-то кроме себя.

Два авторитетных автора – Владимир Васильев и Александр Гриценко – написали мнение о новом романе Наталии Янкович «Другой мир». Так скажем, мнения у них разные.

Об авторах:

Александр Гриценко – русский писатель, драматург, прозаик, журналист, литературный продюсер, театральный режиссер. Председатель Правления Интернационального Союза писателей, вице-президент Великобританского Союза писателей АПИА, первый заместитель главного редактора журнала «Российский колокол», действительный член и секретарь Правления Российского отделения Международной Академии наук и искусств, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Известен как талантливый писатель и не менее талантливый продюсер, который умеет продвигать новых авторов с нуля. Написал около 800 статей о современной литературе, которые напечатаны в периодике («Российская газета», «Независимая газета – НГ Экслибрис», «Литературная газета», «Литературная Россия», журнал «Российский колокол» и др.). Автор диссертации о концептуальной метафоре в русскоязычной и англоязычной прессе (кафедра общего языкознания Российского университета дружбы народов). Пьесы, рассказы и повести публиковались в престижных издательствах и, как правило, все получили литературные премии (Общенациональная премия «Дебют», Москва; «Хрустальная роза Виктора Розова», Москва; «РосКон», Москва; «Герой фэндома», Ялта; «Аэлита – «Рыцарь фантастики», Екатеринбург; и др.). Ученики и просто те,

кем занимался Александр Гриценко, сейчас составляют элиту российской литературы (Саша Кругосветов, Валерий Печейкин, Полина Клюкина и др.).

Владимир Васильев – писатель, активист фэндома, автор и исполнитель песен. Окончил Николаевское СПТУ-21 по специальности «регулирующий радиоаппаратуры и приборов», некоторое время работал на железнодорожной АТС. Пробовал писать фантастику с восьмого класса школы. Первая публикация – рассказ в местной газете от Николаевского клуба любителей фантастики. В течение шестнадцати лет сотрудничал с московским издательством «АСТ». Вышло более ста пятидесяти книг (в том числе за рубежом) и ряд публикаций в коллективных сборниках; кроме того, выпущены мультимедийные компакт-диски с текстами, фотографиями и аудиотреками любительски записанных песен, диски с аудиокнигами. Лауреат ряда российских и международных литературных премий в области фантастики: «Звездный мост» (1999, 2000, 2002, 2003, 2004, 2007), «Большая Урания» (2000), «Малая Урания» (2000), «РосКон» (2001, 2005, 2010), «Бронзовая улитка» (2005), «Фиолетовый Кристалл им. Л.П. Козинца» (2008), «Аэлита» (2009), «РосКон – рыцарь фэндома» (2017). Также лауреат шуточной, неофициальной премии, проводимой на конвенте – конференции российских фантастов «РосКон» – «Нетрезвый Меч» (2004) «За постоянное отображение в своих произведениях пива «Оболонь», (2005) «За книгу «Антарктида online».

Александр Гриценко

В сказку попасть

Я уважаю писателя Владимира Васильева, Воху, как мы его называем в фэндоме, но мне кажется, что его мнение о романе «Другой мир» Наталии Янкович – ошибочно.

И, как он сам любит говорить, не стоит его винить за это.

Васильев начинал работать с издательствами в годы, когда редакторы требовали чистоту жанра. В общем-то и сейчас во многих издательствах не хотят слушать автора, если он говорит, что работает «на стыке».

Однако времена поменялись. Давайте начнем по порядку...

Владимир Васильев пишет, что тропки фантастики исхожены и некого винить. А винить есть кого. Фантастов-предшественников. И не потому что они ходили-исходили, а из-за того, что они отгородились от всей другой литературы горами и пустынями. Создали свою «чудесную страну Оз». И случилось это, так как были причины, но все же нужно знать меру...

Сначала советская литкритика объявила фантастику легким жанром, несерьезным, а потом писатели-фантасты поверили в это. Современный фэндом – это добровольная резервация.

То же самое можно сказать и о детской литературе. Многие авторы тяготеют своего звания и часто указывают «взрослые» произведения. Например, Анатолий Алексин заявлял (слушайте интервью в архиве радиостанции «Эхо Москвы»): «Я когда-то писал для детей, и некоторые вещи были популярны: «Саша и Шура», «В стране вечных каникул» и другие... Я не детский писатель, я писатель, который пишет о нерасторжимости детского и юношеского миров, – это главное в моем творчестве».

И вот уже современные блоггеры и литературные журналисты выискивают «недетскость» у любимых детских авторов. Например, блоггер, который ведет Живой Журнал под названием «Гавань флибустьера», так и озаглавил свой восторженный пост: «Владислав Крапивин – не детский писатель».

А какой? Если автор в основном пишет для детей?

«Нет, ну посмотрите, он же вот и это написал, и это не совсем детское», – говорят они.

Да, написал. Но это не отменяет того, что он сочинил для детей.

И вот уже читатели «оправдывают» своих кумиров. Пытаются снять «клеймо фантаста». Например, на одном форуме можете прочесть такое: «Мой любимый писатель фантаст Рэй Брэдбери, хотя у него есть и нефантастика».

К чему говорить об этом, если ты любишь Брэдбери за фантастику? Нефантастика его как-то возвышает?..

Примеров много – не хватит бумаги.

И такое разделение на серьезное и несерьезное наблюдается только в России.

На Западе есть современная литература, современные талантливые писатели. Метод, каким ты пишешь свои романы и рассказы, не делает тебя изгоем, не выбрасывает из общего литературного процесса.

Пару лет назад меня и Игоря Шайтанова пригласили читать лекцию на Фестиваль Науки юга в Ростовский государственный университет. Мы разговорились между делом, и вот что он мне сказал: «Недавно мы собирали Букеровский комитет и обсуждали, что делать дальше. Повернуться к читателю лицом или, как и раньше, идти по элитарному пути».

Кто не знает, Игорь Шайтанов, писатель, доктор филологических наук, председатель Российского Букеровского комитета.

Мое мнение – что господа современные литераторы заигрались в элитарность. Писатель без читателя – это как законы аэродинамики без атмосферы.

Смешно, что дяди и тети, у которых научные степени и грозди литературных премий, собрались, чтобы всерьез обсуждать такой нелепый вопрос. Еще нужно обсудить другие профессиональные вопросы (и даже создать в Госдуме постоянный комитет!), предлагаю повестку дня: стоит ли врачам лечить пациентов, нужен ли автомобиль водителю и в том же духе.

Поэтому у нас есть «безродные», так называемые «жанровые писатели», которых знают массы, и бойцы невидимого фронта, лауреаты премий, которых не читают. Абсурд.

Новое рождается на стыке жанров и методов, это прописная истина, и это то, что не любят российские крупные издательства. Точнее, их редакции, которые занимаются жанровой литературой.

Немного истории. Считается, что творчество Грина находится на стыке фантастики, детской литературы и традиционного романтизма. Часто в справочниках в статьях, посвященных научной фантастике, например, «Крысолов» Александра Грина стоит рядом с романами «Гиперболоид инженера Гарина» и «Аэлита» Алексея Толстого.

Фантастика не жанр, как думают многие, а просто творческий метод. Современным авторам нужно запомнить это и твердить как мантру. Итак, как же получилось, что фантасты стали стесняться своей сути?

Изначально советская научная фантастика была прогрессивным методом освоения будущей реальности, и после Октябрьской революции и Владимир Маяковский, и Илья Эренбург, и Валентин Катаев работали в этом направлении. Что уж тут говорить о Михаиле Булгакове и Алексее Толстом?

Однако тяготение фантастики того времени к романтизму сослужило плохую службу. В 1929 году Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) издала программные статьи, анализ советской литературы последних лет. Сборник назывался «С кем и почему мы

боремся». Во главу угла поставили поиск того, что мешает развитию прогрессивной пролетарской литературы.

Секретарь РАПП литературовед и критик Владимир Ермилов написал статью, которую назвал «Против мещанской красоты», там он назвал романтику сифилитической заразой, которую пролетарское творчество подхватило от разлагающейся Западной Европы. Коллеги по РАПП подняли на знамя яркий лозунг начальника. И теперь следовало, что мечтатели об иных мирах могут быть приравнены к контрреволюционерам: писатели-романтики должны либо изменить отношение к миру, либо исчезнуть из советской реальности.

«Буржуазии нужен романтизм, потому что действительность заставляет ее, эту действительность, фальсифицировать; нам не нужен романтизм, потому что нам не для чего приукрашивать, нам не для чего выдумывать «идеальную правду», зачем нам нужны символы? Наша действительность героична сама по себе», – это основной упор РАППовцев. Все это укладывается в мировосприятие того времени.

Я читал и более «интересные» высказывания. Например, в газете «Правда» от 1922 года автор пишет о том, что не стоит приговаривать преступников к большим тюремным срокам, потому что через несколько лет наступит время коммунизма, соответственно, преступлений и тюрем не будет. Поэтому не легче ли писать в приговоре «до наступления светлой эры коммунизма»? Нужно четко понимать мировосприятие того времени. Многие верили в то, что так и будет.

Победа большевизма действительно была удивительным событием. И люди или верили каждому слову своих вождей, или сопротивлялись. От этого и пролилось столько крови. Одни искренне строили новый идеальный мир и вычищали других как скверну. Разочарование после провала нас не оставляет до сих пор!

Статьи под общим названием «С кем и почему мы боремся» были первым камнем в стену отчуждения фантастов и реалистов.

Евгений Харитонов, авторитетный деятель современного фэндома, в конце 90-х годов писал:

«Разгоревшиеся в 1960-х годах и не утихающие поныне жаркие споры о социальной и художественной природе фантастического метода (к сожалению, в критике все еще бытует изначально ошибочное определение фантастики как жанра), стремительно увеличивающийся фонд специальной литературы и диссертационных исследований создали благоприятную почву для формирования новой области знания – фантастоведения (или фантастиковедения – кому как нравится), как раздела общего литературоведения и искусствознания...»;

«Однако, если в Западной Европе и США фантастоведение давно и благополучно развивается в самых разнообразных направлениях, то в отечественном литературоведении и искусствознании эта наука до недавнего времени оставалась в положении *enfant terrible*. Судьба науки о фантастике в нашей стране почти столь же драматична и противоречива, как и судьба самой фантастики. Небрежение академической науки по отношению к фантастике имеет под собой не только идеологическую подоплеку, коей мы не станем касаться, но и целый ряд куда более значимых в данном случае – чисто «литературных» причин. Одна из них – банальная привычка (укрепившаяся еще с 1920-х гг. и, увы, сохранившаяся в критике

и поныне) рассматривать фантастику исключительно как явление массовой субкультуры, разновидность низовых форм художественного творчества (паралитература). Однако такая точка зрения проистекает, скорее всего, из-за недостаточного понимания специфики и жанровой полиморфности фантастического текста...»;

«В другом же случае научную фантастику (далее – НФ) относили к разряду детской литературы, призванной в доступной форме популяризировать научно-технические знания. Некоторые резвые умы (в их ряду, к сожалению, и некоторые из писателей-фантастов) пытались даже загнать фантастику в узкие рамки одной сверхзадачи – звать молодежь во ВТУЗы...»;

«В начале 1980-х гг. в отечественной НФ сложилась «ситуация 37-го года» – фантастику в очередной раз попытались запретить. Закрывались клубы любителей фантастики, разгонялись редакции НФ, бесконечные проволоочки по линии КГБ, ЦК ВЛКСМ и обкомов партии... Коснулось это и литературоведов, специализирующихся на НФ».

Я не зря так много цитирую Евгения Харитонов, потому что тут прослеживается едва ли не вся история советской фантастики. События, деформировавшие российскую литературу, которые откололи огромную ее часть. Отсюда и скудность идей и художественных методов.

Но в нулевые и в десятые годы XXI века появились авторы, которые пишут фантастику и интересны, к примеру, элитарным толстым журналам «Новый мир» и «Знамя».

Даже больше того, некоторые авторы пришли в «толстяки» из фантастики, а некоторые в фантастику из «толстяков» – Марина Галина, Алексей Иванов, Дмитрий Быков, Андрей Волос, Елена Чудинова, Ольга Славникова...

Наталия Янкович – яркий представитель этого нового течения. Я думаю, что в этом-то и основа непонимания Васильевым методов написания романа «Другой мир».

Владимир Васильев пытается уличить Янкович во вторичности. Я этой вторичности не вижу. Я вижу интертекст, и я бы назвал роман «Другой мир» ярким проявлением российского постмодернизма. Все основные признаки литературы постмодерна тут налицо: фрагментарность, ирония, юмор и т. д., а также реакция на идеи Просвещения, присущие модернистской литературе.

Отсюда уход в древнюю языческую сказку как в реальность более чистую и цельную, нежели все изыски нашего мира. Отсюда и конфликт между реальным миром и миром волшебства:

«Сбросив одежды, Вельда нырнула в синюю гладь озера. Вдоволь наплескавшись и понежившись на летнем солнышке, старая ведьма принялась за работу. Перво-наперво необходимо было проложить тропу для гонок на волшебных конях. Запихнув метки поглубже в карман, Вельда принялась за дело, а заодно и стала кумекать, что делать с неожиданно свалившимся им на голову налоговым инспектором, пришедшим из мира, который они предпочли оставить много веков назад.

По всем признакам его появление было не случайным. Но, сидя целую ночь напролет за множеством книг и манускриптов, Вельда все никак не могла разгадать истинного назначения данного появления. И что самое досадное, отправить его назад, от греха подальше, тоже было невозможно. Слишком неудачно стояли звезды. Слишком далеко находились сейчас их миры. Оставалось только одно – ждать. И действовать очень осторожно.

Со дня на день Вельда ожидала возвращения лазутчиков из того мира. Они и должны были принести ей новости, которые смогли бы помочь разобраться в причинах.

Каждую весну их деревня вместе со множеством других поселений посылала своих специально обученных разведчиков за новостями в Другой мир. Долгие три месяца лазутчики собирали последние новости в политике, идеологии, искусстве, науке, медицине – и с кипой газет, журналов, фильмов и книг возвращались в родные края.

И всякий раз, когда они возвращались, Вельда убеждалась в том, как правы были их предки, что покинули тот мир и открыли свой, новый. Здесь не было эпидемий, войн, притеснений, стихийных бедствий, неизлечимых болезней... Все это осталось в прошлом и... на страницах учебников для молодого поколения.

Ее мир основывался на другом – на стремлении к знаниям, к саморазвитию, на желании проникнуть в тайны природы и бытия. И они в этом преуспели! Самым поразительным оказалось то, что все они, дети природы, были именно так и задуманы, все, что было нужно, скрывалось в них самих. Но только годы обучения и тренировок позволили их предкам сделать такое открытие. А остальной мир оказался глух. И они ушли...» – такие послы есть по всему роману.

Что это, если не разочарование в модернизации и возвращение в первородный хаос, который по-своему и есть самый настоящий порядок?

Любой образованный человек знает, что зарождение постмодерна связано и логически вытекает из процессов эпохи модерна как реакция на кризис ее идей. Возникший как антитеза модернизму, открытому для понимания лишь немногим, постмодернизм, облакая все в игровую форму, нивелирует расстояние между массовым и элитарным потребителем, низводя элиту в массы.

Модернисты считали, что развитие общества должно происходить на основе 4 принципов: демократии, доминирования индустрии, техники и естествознания.

Идеальная личность эпохи модернизма сама творит историю и выступает центром культурно-исторического процесса. Культурное сознание модернизма строится вокруг идеи бесконечного прогресса, который понимается как тотальное подчинение мира человеческой воле.

Культура эпохи модернизма вселяла в человека глубокую уверенность, что его рождение, жизнь и труд имеют высокое предназначение.

Эта уверенность была разрушена двумя мировыми войнами, которые показали, что достижения человеческого разума могут быть обращены против человека. Общий мировоз-

зренческий и культурный кризис в 60–70-х гг. XX в. породил новую идеологию искусства, которая получила название «постмодернизм».

Роман Наталии Янкович «Другой мир» – яркое явление современной постмодернистской литературы.

Далее Владимир Васильев пишет:

«Мне кажется, что в романе Наталии слишком много восклицательных знаков, а герои излишне импульсивны, порывисты, восторженны; у них практически все в открытую и часто напоказ, особенно все относящееся к эмоциональной сфере. Поскольку писателю очень полезно быть наблюдательным, а хорошему писателю – в особенности, не лишним было бы наблюдательность включить и констатировать, что в реальном мире люди чаще ведут себя куда более сдержанно. Особенно люди, которых уже не назовешь юными».

Тут я вообще не понимаю, к чему это замечание. Как известно, правда жизни и правда искусства – две вещи несовместимые.

Копировать реальную жизнь не имеет смысла, как бы ни был талантлив художник, он никогда не сможет сравниться с Богом. Поэтому имеет смысл создавать образы, обобщать, укрупнять, убирать лишнее для лучшего понимания сути произведения, да и еще для того, чтобы ярче чувствовалось читателю...

Нам важна красота при правдоподобности, а не правда!

Представляю, как Владимир Васильев ругал бы художника Василия Сурикова за картину «Переход Суворова через Альпы», где у солдат, которые идут походом, причем экстремальным походом, штыки примкнуты к ружьям. Да, это жизненная недостоверность, которая оправдана художественной необходимостью. Потому что это красиво, а эстетика в искусстве важнее правды жизни.

И многие ценители живописи не задумываются над тем, что по уставу штыки носили в ножнах или чехлах, что оступившийся солдат покалечит себя и товарищей; зрители видят, прежде всего, атмосферу картины: тревогу, страх, но и доверие к командиру. На этом полотне присутствует исключительная красота момента!

А еще по поводу правды, как в жизни, нужно многое объяснить Францу Кафке... Но ладно, оставим это.

В романе Наталии Янкович «Другой мир» есть элементы гротесковости. Причем экспрессия персонажей тут оправдана, т. к. подчеркивает необычность сказочного мира. Если бы Янкович последовала совету Васильева и сделала бы своих героев выдержанными и «взрослыми», то мы бы умерли со скуки.

Совсем недавно мы обсуждали феномен Янкович с редактором и писателем Андреем Щербаком-Жуковым. И вот он мне первый сказал, что в прозе Янкович много философии и необычной для форматной фантастики литературной материи.

Я повторяю, что я вижу интертекст, а это главный признак литературы постмодернизма: Михаил Булгаков, Николай Гоголь, Андрей Белянин, – Янкович явно играет с текстами предшественников. И делает это мастерски!

А Владимир Васильев пишет, что от ее романа не содрогнется мир. Я отвечу: а зачем нам его сотрясать? К чему такой максимализм?

У романа «Другой мир» есть все, чтобы стать любимым. И этого достаточно. Автор добивается полного погружения читателя в атмосферу произведения. Если вы хотите гре-зить наяву, попасть в сказку, то вам обязательно нужно прочитать роман Янкович.

Есть мнение, что подобные темы встречаются у других авторов, которые просто неиз-вестны.

А кому это интересно?

Пусть остаются неизвестными, если у них не хватает силы воли проявиться в совре-менном литературном процессе.

Наталия Янкович – серьезный писатель, автор шести книг, лауреат конкурсов и пре-мий, среди которых «Аэлита» в номинации «Старт». Зачем ей думать о том, что кому-то без-вестному какие-то подобные идеи тоже приходили, но он не смог донести их до читателя?

У Наталии действительно все впереди. Каждый ее новый текст лучше, чем предыду-щий. Мне кажется, что уважаемый нами автор Владимир Васильев еще вернется к анализу творчества Наталии Янкович, и мы услышим от мэтра добрые слова. А пока вот что есть.

Владимир Васильев

Ода первой ступеньке

Мы живем в странное время. Еще совсем недавно писатели в глазах благодарного и не очень человечества мало чем отличались от небожителей – витали в интеллектуальных эмпиреях, выплескивали в мир мысли и образы и зачастую вполне заслуженно претендовали на звание властителей дум.

Писатели выступали проводниками обобщенного концентрированного опыта человечества, облекая его в форму текстов, посредством которых достаточно удачно обеспечивалась непрерывность этого самого опыта от времен изобретения изустных сказаний вплоть до нашего безумного века глобальной сети, вседоступности и вседозволенности.

Довольно долго и проводниками, и пользователями условного человеческого опыта являлась исключительно элита – в силу неграмотности большей части населения. Но в какой-то момент процент умеющих читать людей стремительно вырос, пока не достиг абсолюта – по крайней мере, в наиболее развитых странах. Не будем обманываться, далеко не вся аристократия прошлого действительно заслуживала права именоваться элитой, но и не станем отнимать это звание у тех, кто его реально заслуживал.

В конце концов, само существование глобальной сети является наглядным доказательством прогресса, к которому больше всего интеллектуальных усилий приложила именно элита.

Интеллектуалы прошлого образовательно (а достаточно часто – и нравственно) опережали среднестатистического неграмотного землянина на величины, которые смело можно считать бесконечными, поэтому неудивительно, что творчество, ориентированное на таких же интеллектуалов, каким являлся творец, широким людским массам попросту не предназначалось и существовало как бы в отдельном антигетто избранных, а для широких масс существовало искусство попроще. Востребованность непритязательных литературных историй постепенно росла, пока усилий элиты для их генерации попросту перестало хватать в силу малочисленности упомянутой элиты.

Примерно с этого момента, когда в литературу пришли простолюдины, границы между искусством для элиты и искусством для масс стали стремительно размываться. Довольно долго в писатели, что называется, «из народа» попадали только наиболее одаренные люди, которые, будь они поудачливее в плане рождения, по уровню вполне могли бы считаться честной элитой, но, как это всегда и бывает, планка постепенно стала приопускаться, и чем дальше, тем быстрее.

Не удивлюсь, если сегодня писателей уже больше, чем читателей. Сразу уточню: читателем сегодня можно полагать только того человека, который регулярно читает тексты, а не только владеет техникой чтения. Читать сегодня умеют все. Читают – единицы. Точно так же очень большое число людей полагает, будто умеет писать. И это, разумеется, не так. Но есть одна маленькая деталь, которая делает этот факт несущественным. Заключается она в том, что в наше время писать можно научиться. Стоит только по-настоящему этого захотеть.

Да, конечно, сегодня, как и во все времена, существуют гении, писатели от бога, которым учиться писать незачем – они и так это умеют и всегда умели. А вот остальным приходится очень несладко – сразу по нескольким причинам. Если рассматривать фантастику как изолированную ветвь литературы, то главной ее бедой на сегодняшний день является почти полное отсутствие новизны в текстах, особенно в плане идей. И, как это парадоксально ни звучит, особой вины сегодняшних фантастов в том нет. Виноваты предшественники. За сто с небольшим лет (именно столько пишут фантастику целенаправленно) фантастическое поле истоптано так основательно, что оставить на нем заметную тропу стало невозможно. Строго говоря, сегодня вряд ли возможно написать фантастическое произведение о чем-либо таком, о чем уже не написал первопроходец Герберт Уэллс. Не берусь судить, кто именно фантастику открыл, но закрыл ее совершенно точно великий англичанин. Все последующие тексты всего лишь эксплуатируют его идеи, являясь более или менее вариативными.

И – опять-таки парадокс! – в этом нет ни малейшей вины последователей Уэллса. Сегодняшние писатели вполне могли и не читать его романов, а судя по многим текстам можно предположить, что часть авторов даже не подозревает о его существовании.

Винить современных фантастов бессмысленно, поскольку идеи носятся в воздухе и большинство из пишущих вполне честны. Однако трудов Уэллса это, увы, не отменяет. Ему было комфортно: о чем ни пиши – о машине времени, о нашествии марсиан, о войне в воздухе или о селенитах – будешь первопроходцем и первооткрывателем. Сегодняшним трудно: о чем ни напишешь – доброхоты тут же укажут на произведения, в которых об этом уже писалось. Причем чаще всего – лучше.

Теперь, я надеюсь, вы меня поймете, каково это – оценить сегодня фантастический роман нового автора. В данном случае – Наталии Янкович.

Даже у гениев прошлого далеко не все ранние тексты удачны – вспомним хотя бы открытую нелюбовь братьев Стругацких к собственному роману «Страна багровых туч» или Станислава Лема к «Астронавтам». Теоретически я их понимаю – заранее прошу простить, что упоминаю себя рядом с гениями, но при перечитывании своего первого крупного текста теперь испытываю чувства, скажем так, неоднозначные. А в первые годы после написания натурально читал и тащился. Слава богу, время учит.

Невооруженным взглядом видно, что Наталия Янкович, когда писала свой роман, аналогично тащилась, уж извините за это простецкое выражение. Подделать или изобразить это нельзя, тащиться можно только искренне и на всю катушку, так что смело можно утверждать, что Наталия как минимум была честна с собственным текстом, а честность всегда являлась необходимым (хотя и недостаточным) элементом хорошего произведения.

Читатель всегда моментально ловил фальшь, а сегодняшний читатель – и подавно, потому что объектов для чтения у него более чем достаточно, а глобальная сеть и вовсе возводит их количество к бесконечности.

Наталию Янкович невозможно упрекнуть в том, что чрезвычайно запутанные отношения персонажей романа ее не волнуют – кажется, она вообще не понимает, как отношения могут кого-нибудь не волновать. Мне кажется, что именно молодым людям роман «Другой мир» понравится.

К сожалению, автор этих строк давно утратил способность по-настоящему тащиться от текстов и лично меня к благодарным читателям уже не отнесешь при всем желании. Наоборот, мне кажется, что в романе Наталии слишком много восклицательных знаков, а герои излишне импульсивны, порывисты, восторженны; у них практически все в открытую и часто напоказ, особенно все, относящееся к эмоциональной сфере. Поскольку писателю очень полезно быть наблюдательным, а хорошему писателю – в особенности, не лишним было бы наблюдательность включить и констатировать, что в реальном мире люди чаще ведут себя куда более сдержанно. Особенно люди, которых уже не назовешь юными.

В принципе, все сказанное не является такой уж бедой, а опыт – дело наживное. Это гении пишут легко и просто, а по слухам – вообще воруют у бога. А нам, сирым, приходится пахать как проклятым.

Второе, на что я рискнул бы обратить внимание, – это методы ухода от вторичности. Как уже говорилось, нехоженных троп в литературе, а значит и в фантастике, на сегодняшний день не осталось. Очень помогает банальная начитанность. Сегодня уже недостаточно делать «так же», чтобы текст впечатлял, да и просто был замечен, – надо делать лучше предшественников. Глубже копать, лучше сопоставлять и, если это возможно, просто идти дальше, в идеале доводя мысли и ситуации до абсолюта.

Не возьмусь также глобально судить о достоверности изложения реалий психбольницы, пусть и не совсем обычной. Не имею никакого опыта на этот счет, чему несказанно рад. В целом же часть о психбольнице не вызвала у меня особого отторжения, во всяком случае претензии к этой части практически того же плана, что и к первой: гипертрофированность реакций, обилие сильных эпитетов, восклицательных знаков и непонятная зацикленность на множестве второстепенных деталей вроде внезапно зажужжавших комаров.

Часть о Муравейнике, заключительная, мало что меняет в общем восприятии текста, и к ней применимы уже перечисленные выше замечания. Роман Наталии Янкович «Другой мир» вряд ли можно рассматривать как текст, от которого содрогнется мир, однако вполне можно счесть ступенькой на пути к этому. Главное помнить: первая ступенька – лишь начало этого пути. Ну, а пройти его в полной мере или застрять на нижних ступенях – решать автору.

P.S. От Александра Гриценко

Меня заинтересовал посыл Владимира Васильева о том, что есть гении, которые воруют у Бога, а есть простые труженики, они могут научиться писать, если захотят.

За 21 год в литературе я не просто пишу, а работаю с пластом авторов как продюсер, редактор и эксперт, я не встретил ни одного человека, который бы воровал у Бога. Все это мифы и легенды. Их создают сами же писатели. Умный автор сожжет черновики ранних произведений и объявит себя «ворующим у Бога».

Однако, например, сохранились ранние стихи на русском языке, он еще писал на французском, А.С. Пушкина. Почитайте, и вы ощутите полное бессилие начинающего «нашего все». Вывод – он научился. То есть и даже он учился!

Некрасов, Гоголь... Почитайте биографии этих писателей. Все они начинали с неудач, и только опыт и анализ ошибок, ученичество, у них были наставники, привел этих авторов к успеху и бессмертию.

Почему-то будущий музыкант идет учиться, а также художник и актер, – и только писатели рождаются. Это не так.

Я много лет, с 2008 года, веду литературные курсы. И, да, нам удалось научить некоторых, сейчас это известные писатели.

Так что научить можно, но важна еще и личность автора.

Вот тут и проходит грань между ремеслом и искусством. Усердный ученик поймет, как создавать характеры, как емко, чтобы не нарушать динамику, давать описание, как строить сюжет, но если он не задумывается над банальными вещами, такими, как справедливость, лицемерие, любовь и т. д., и не делает из этого своих небанальных выводов, то его тексты будут пустыми, самое большое – они станут милыми поделками.

Чтобы достичь высоты искусства, нужна душа художника.

Художественное произведение – это реальность, преломленная через призму восприятия автора. Это важнее методов и жанров.

У Наталии Янкович есть главное: свое видение мира. Я жду от автора новых талантливых текстов. До сих пор я не ошибался. И тут я чувствую большое будущее Наталии в художественной литературе.

Об авторе

Наталия Валерьевна Янкович родилась в Тамбове в семье инженеров. Поступила в ТГУ им. Г.Р. Державина на факультет журналистики. С шестнадцати лет работала на ТГТРК (Тамбовской государственной телерадиокомпании). Делала авторские программы, новостные сюжеты. Получила премию от издательской группы «Курьер» как лучший юный журналист года. В конце девяностых переехала в Москву для работы в спортивном журнале. В начале двухтысячных ушла в частный бизнес.

Свой первый большой роман задумала и написала в 25 лет. С тех пор это стало образом жизни и настоящей любовью.

Премии:

- «Ялос-2017». 1 место в номинации «Лучший писатель года» – роман «Другой Мир»;
- «Ялос-2017». 1 место в номинации «Лучший публицист года» – рассказ «Принципы гуманности»;
- «РосКон-2017». Диплом «За яркий дебют»;
- «РосКон-2017». Гран-при в конкурсе им. О. Генри за рассказ «Мальчик и тьма»;
- Аэлита 2017. 1 место в конкурсе им. Жюль Верна – рассказ «Фокус сознания»;
- Аэлита 2017. Премия «Старт» – роман «Воин Духа: Воплощение».

ИТАК...

Часть первая: Про налогового инспектора Семена Коновалова и то, как он попал в сказку

Ясное раннее утро началось, как ни прискорбно, с головной боли. Во рту стоял привкус то ли сдохшей кошки, то ли свежевылитых помоев. Голова натужно гудела и напоминала огромный тромбон.

Чтобы не спугнуть притаившуюся где-то в затылке жгучую головную боль, Семён Коновалов осторожно приоткрыл левый глаз. И тут же его закрыл. Начинать день с левого глаза было плохой приметой. Собравшись с духом, Сеня открыл два глаза разом! Теперь все должно было заладиться!

В лицо ударило яркое солнышко раннего летнего утра, в нос пахнуло легким запахом из соседнего коровника. Да... Теперь Сеня наконец-то вспомнил, где он находится. Но почему он оказался на заднем дворе деревенского домика одного из своих старинных школьных друзей в обнимку с молодым поросенком?! Этого понять он никак не мог!

Юный хряк ворчливо взвизгнул и своевременно удалился, побаиваясь, что его вздумают принять за сало. А Сеня понял, что пора подниматься и ему.

Неуверенно пошатываясь, в банном халате и босиком, Семен побрел к дому в надежде, что муки тяжелого похмелья останутся недолговечными, небо услышит его молитвы и ниспошлет ему бутылочку холодного пивка.

С такими радужными мечтами молодой человек распахнул дверь избы и ввалился внутрь.

Надежды тут же растаяли. Первое, что он увидел, был настезь открытый, пустой холодильник. Все вчерашние запасы, состоявшие из батареи бутылок водки и ящика пива, куда-то таинственно испарились!

Следуя дедуктивному методу, Семен сосредоточенно огляделся. Такой объем запасов горючего не мог исчезнуть бесследно! Должен был остаться след!

Не раздумывая долго, Сеня встал на четвереньки и взял-таки этот самый злополучный след! Идя на запах, новоиспеченный сыщик уткнулся носом в рот сладко похрапывающего хозяина дома Коляна. Блаженная улыбка и милое амбре сказали Сене все: ПИВА НЕ БУДЕТ!

– Чур меня, чур! Уйди, кому говорят! – забормотал во сне Колян и размашистым движением руки угодил молодому сыщику точно в нос.

Взвизгнув от неожиданности, Семен для порядка громко выругался и, почти протрезвев, поплелся к раковине приводить себя в божеский вид. Осторожно промыв разбитый нос и тщательно прополоскав рот, молодой налоговый инспектор почувствовал себя почти человеком. Но тут же его посетили глубокие сомнения по этому поводу.

Прямо перед ним вырос здоровенный Колян. Выпучив глаза и изрыгая пары перегара, он нервно забормотал:

– Ты кто такой будешь?! Я тебя спрашиваю! А ну, отвечай!

Семен судорожно оглянулся за спину. Там никого не нашлось. Переведя взгляд обратно на Коляна, Сеня наконец сообразил, что спрашивают его. Бестолково похлопав пару секунд глазами, молодой инспектор протяжно выдал:

– Так это ж я, Семен, твой школьный товарищ! Мы вчера все вместе к твоим старикам в гости приехали! Сеня... Коновалов... – неуверенно повторил молодой человек, когда понял, что его слова не произвели на здоровенного Колю ровно никакого впечатления.

Наступила затянувшаяся пауза, после которой, усердно почесав в затылке, Колян выдал:

– Если Семен, то почему зеленый?!

И тут Сеня испугался не на шутку. Действительно, если он – это он, то почему тогда зеленый?! А, стоп... Кто сказал, что он зеленый?! Прищурившись, молодой человек осторожно заглянул в зеркало.

«Нет, цвет лица нормальный!» – облегченно вздохнул он, но тут же напрягся. Из зеркала на него смотрела страшная, перекореженная и небритая морда какого-то... неандертальца или питекантропа, но, совершенно определенно, не Семена Коновалова!

– Я – это не я вовсе. Кто он, – тыкнул молодой инспектор в зеркало, – я не знаю... Но точно не я...

Рассудительные измышления молодого налогового инспектора прервал скрип открывающейся двери. Оттуда, ведомые под руки крепким стариком, отцом Коляна, появились еще двое бывших школьных товарищей.

– В капусте этих обормотов отыскал. Разгильдяи чуть все кусты не потоптали, будь они неладны! Это ж надо до такого состояния нализаться! – в сердцах запричитал папаша.

– Мы в капусте валялись – к деньгам... – попытался оправдаться невысокий молодой человек в одном кроссовке на босу ногу.

Второй, худой и высокий, только молча хмурился.

– У вас черти по огороду скачут, – наконец выдал он. – А вы все на нас пытаетесь свалить...

– Черти! – папаша так и ахнул.

– Пить надо меньше, тогда и черти не запрыгают... – наставительно добавил он и пошел во двор кормить скотину.

В домике остались только четверо друзей.

– Как-то нехорошо получилось... – виновато промычал тот, что пониже ростом, в котором через некоторое время Семен с трудом признал своего товарища Серегу. – ... Не надо нам было капусту портить...

– Это все черти! Я их собственными глазами видел! – не унимался высокий Лёха. – Вчера ночью мы на грядки с Серым забрались, и я... прямо как вас сейчас вижу... так и их рассмотрел! Три таких здоровенных чертяги. Мимо нас – шмыг... И все хихикали, хихикали...

– Оно понятно! – гаркнул Колян, глаза на пустой холодильник и стягивая с лица покоренные солнечные очки с зелеными стеклами. – Лихо мы вчера мой юбилей отметили!

Более или менее разобравшись с ситуацией, компания закадычных друзей расселась за крепким дубовым столом. Колян принял на себя обязанности хозяина праздника и поковылял в подвал за провизией, в тайне надеясь раздобыть там отцовскую заначку или на крайний случай – молодое сливовое вино.

Семен угрюмо лузгал семечки и рисовал в голове все возможные варианты как лучше объяснить Юле, почему вчера вечером он ей так и не перезвонил. Юля была его старой, вернее молодой, но очень давней школьной любовью, с которой они несколько месяцев назад неожиданно, прямо на улице, столкнулись нос к носу и тут же, не сговариваясь, решили продолжить школьный роман.

И теперь их давний роман затягивался, предвещая Семену весьма сомнительную перспективу. Как заявила ему недавно Юля: «Играть в долгую она не собирается и предпочитает брать быка за рога, а не ходить вокруг да около...» К несчастью Сени, в данном случае, этим быком был именно он. И его брали. Прямо за самую шею! Смертельной удавкой!

А ему, ой как не хотелось в двадцать-то девять лет оказаться на привязи! Как говорится, еще бы попасться на вольных хлебах, пощипать травки... И тут – на тебе! Но при всем при этом Юля ему очень нравилась.

«Любовь, наверное, блин... – размышлял молодой налоговый инспектор, – мать ее за ногу... Однако любовь – хорошо, без нее – хуже... Значит, будем сдаваться... Без боя и кровопролитий, по-мирному, под звуки вальса Мендельсона...»

В ушах зазвучала леденящая душу мелодия...

– Н-е-е-е-т! – что есть сил закричал затравленный Семен и приготовился бежать без оглядки...

Но тут же сообразил, что стучит ногами по деревянному полу, а вокруг на него таращатся ничего не понимающие школьные друзья.

– Померещилось, – буркнул Сеня.

– Оно ничего, бывает... – ответил вылезающий из подвала с огромной бутылкой молодого вина Коля. – Сейчас приступим к твоему лечению... И все глюки, мигом, как рукой, снимет!

– Насчет глюков, ты это брось! – гордо заявил взъерошенный Лёха. – Я за свои глюки отвечаю. Не глюки они вовсе! Как пить дать – все реально было!

– Ты все про чертей своих что ли? – лениво поинтересовался Серый. – Да успокойся ты. Может, они и впрямь были. Да только это вовсе не черти, а мужики местные в огород воровать приходили.

– И потому летали и хихикали? – скосив глаза на Серегу, ехидно поинтересовался Лешка.

Разгорающийся спор прервал Колян. Деловито расставив на столе закуску из деревенского жаркого с молодой картошечкой, овощами с грядочки и крепкими грибочками, он гаркнул:

– Ну, за встречу! – и залпом опорожнил молодое вино из граненого стакана.

Вся компания дружно последовала его примеру.

– Чтоб я всегда так жил! – выдохнув, крикнул Серый.

Лёха лирически заулыбался. Только Сене не стало легче. Опасливо поглядывая на мобильный телефон, он всем нутром чувствовал надвигающуюся грозу и усердно размышлял, какой бы «зонтик» ему приготовить.

– Пойду-ка я за грибами! – наконец нашелся он. – А если меня будут спрашивать, скажите, что ушел за грибами, ночью был на рыбалке, телефон забыл... Или что-то в этом роде... – и, махнув рукой, уже направился к выходу.

– Ты это серьезно?! Ты же городской до мозга костей! – непонимающе захлопал глазами Колян. – В грибах-то хоть что-нибудь понимаешь?

Не успел Семен отреагировать, как за него ответил Серый. Философски подняв палец кверху и таинственно закатив глаза, Серега продекламировал:

– Не трожь товарища, Николай. Тут главное не цель, а тактика! Стратегия выбрана верно: лучше под горячую руку не попадаться, а отсидеться, поразмыслить на досуге! Как женатый почти десять лет, я полностью разделяю твои взгляды, Сеня! Иди за грибами... И помни: «...и дым отечества нам сладок и приятен!»

Окрыленный таким напутствием и чувствуя за спиной надежный тыл, Семен пошагал готовиться к вылазке. Следом за ним увязался и Лёха.

– Тоже по грибы? – понимающе поинтересовался Сеня.

– А-а-а?! Н-е-е-т! – ответил все еще взбудораженный Лёха.

– Ты же знаешь, я решил остаться «закоренелым»... Я иду по другой причине. Хочу тех чертей отыскать! Уфология – это целая наука! Наше будущее! Тут работы непочатый край, благодатное место! – запальчиво закончил он и принялся рыскать по дому в поиске своих очков.

Приведя себя в порядок и отыскав в кладовке лукошко, Сеня изготовился к «походу за грибами». Вскоре рядом с ним, в огромных военных ботинках и в старой каске времен Второй мировой войны, появился и Лёшка.

– К вылазке готов! – громко отчеканил он.

В сомнениях Сеня посмотрел на своего школьного товарища и ответил:

– Ну, Лёха, в разведку я бы с тобой побоялся идти. Тебе дай только водки понюхать – ты и меня за барабашку примешь!

– Не бойсь, товарищ, – ответил школьный друг. – Когда мы эту загадку разгадаем, я книгу издам, а тебя в соавторы возьму. Прославимся на весь мир, как первые, установившие контакт с другими формами жизни!

– Ой, Лёха! Ты бы со своими мозгами контакт наладил. А то сильно тебя вчера зацепило...

Лёха упрямо затряс головой и принялся что-то невнятно объяснять. Пока он нечленораздельно бубнил под нос, они, вместе с Семеном, успели выйти на небольшую полянку. Вокруг стояло девственное спокойствие и благодать, изредка всколыхиваемая пением кукушки или щебетанием какой другой птицы. Вокруг расстилалась высокая трава. Именно в такой чаще всего и таились белые грибочки.

– Значит, место дислокации здесь, – важно заявил Семен. – Я пошел налево, ты направо. Через полчаса встретимся тут.

– Стоп! – остановил его Лёха и достал из рюкзака объемистую флягу. – На удачу поисков надо внедрить!

Сеня для очистки совести, по началу, от граненого стаканчика отказался, но потом, посмотрев на блаженно растекшуюся по лицу Лёшки улыбку, махнул рукой и потянулся за стаканом.

– Э-э-э, один раз живем! А трубы горят! – брякнул молодой инспектор и залпом опорожнил содержимое.

Вскоре на полянке под деревцем развернулся настоящий банкетик, а оба товарища (грибник и уфолог) блаженно растянулись на мягком мхе и принялись вести неспешную беседу.

– Алкоголь расширяет границы восприятия! Поразительный продукт! Практически лекарство для настоящего ученого! – заплетаящимся языком повествовал Лёха. – ... Вот мы с тобой сейчас внедрим необходимую дозу, и, считай, дело в шляпе! Я найду внеземные формы жизни, а к тебе придет озарение по поводу твоей запутанной ситуации... Еще рю-ю-ю-ммм-о-о-о-чку?

Сеня сквозь слипающиеся веки с упоением слушал великие откровения своего товарища, как вдруг, внезапно, в очередной раз ловил себя на том, что начинает похрапывать. Но, тут же взбодрившись, принимался слушать с новым пылом.

Ласково припекало уже обеденное солнышко, а школьные друзья все продолжали изыскания истины на дне бутылки. Договорились до того, что человечеству в обязательном порядке следует прописать по сто грамм в день. Мнения разошлись только в виде напитка. Лёха упрямо стоял на водке, а Сеня взахлеб доказывал, что хорош и виски, и текила, а под определенные виды продуктов – и доброе вино.

– А ведь если твою Юльку напоить вином, ничего она не поймет, а ежели водочки... поднести – осознает свою вину за полсекунды! – выставял Лёшка веский аргумент.

Сеня упрямо тряс головой.

– Баба – она и в Африке баба! Она даже пьянеет по-бабски. Так что ничего она не поймет... Но смягчится – однозначно, и исключительно от вина. Водку она и нюхать не станет!

– А если ввести принудительное опьянение? – не унимался Лёшка. – Водкой, конечно... Исчезнут все расовые предрассудки, деление на мужчин и женщин...

– А оно это... точно надо?... – неуверенно протянул Семен.

– Так ведь дл-л-л-я науки! В порядке экс-с-сперимента! – ответил Лёха, с трудом справляясь с дикцией.

– А, н-н-ну тогда, точно надо... – проронил Семен и понял, что к его глазам неуклонно приближается зеленый мох...

Только он хотел вскрикнуть, как понял, что уже поздно! Аномалия! Но мох прыгнул ему в лицо и уверенно там замер.

Отчаянно отбиваясь руками, молодой инспектор, что есть сил, завопил:

– Лёха, спасай! Меня душит мох! Он живой!

– Ты бы морду с земли-и-и поднял, – икнув, невозмутимо отозвался товарищ.

Дальше Семену показалось, что чьи-то заботливые руки нежно приподнимают его над землей и несут... Нежные руки принадлежали явно не Лёхе. И голоса, что мелодично звенели вокруг, слабо походили на раскатистый басок последнего.

«Никогда не пил... А тут, на тебе – белая горячка!» – едва успел растерянно подумать Семен, как мысли окутал мягкий туман. Сознание погрузилось в сладкую и манящую пустоту небытия.

В носу что-то неистово защекотало. Резко вскочив с травы, Семен оглушительно чихнул. Чихнул – и не поверил собственным глазам!

Перед ним, насколько хватало глаз, простирался ярко-зеленый луг с высокой молодой травой и множеством самых разнообразных цветов. За спиной высился темный дремучий лес, где лучи солнца терялись уже у самых вершин могучих крон. А Семен стоял ровно посередине, между лугом и лесом, около небольшого пенёчка с целым семейством белых грибов!

– Быть этого не может! – пробурчал себе под нос молодой налоговый инспектор.

Местность вокруг Колькиного деревенского домика Семен с самого детства знал вдоль и поперек, но такого никогда не видел!

Уставившись на солнце, Сеня попытался определить местоположение. Но от увиденного растерялся еще больше прежнего.

Сомнений не было: по всем приметам сейчас было раннее утро! Молодой человек подозрительно огляделся вокруг. В голове пронеслось: «Ну, если это Колян разыграл! Ух, я ему наkostenю!» Но, судя по всему, Коляном тут и не пахло. Природа была девственно чиста и нетронута. Складывалось впечатление, что здесь со времен сотворения мира не ступала нога человека.

Сеня присел на корточки и стал изучать местность более внимательно. Кружок юного следопыта, куда они с товарищами записались еще в школьные годы, должен был, нет, просто обязан был, подсказать ему хоть что-то.

Но пристальный осмотр и лазанье на четвереньках никаких важных результатов так и не дали. Понятно было только одно – каким-то чудом его занесло слишком далеко от деревни. Вокруг в несметных количествах росли грибы и всевозможные ягоды. А деревенские такого бы не пропустили!

«Так налился, что целые сутки шел без остановки?... И ничего не помню?...» – попытался Семен напрячь мозг.

Подобный провал памяти с ним случался впервые. Раздумывая над сложившейся ситуацией, Сеня глубокомысленно потер подбородок и онемел. С тех пор, как он брился, прошло не более нескольких часов. Кожа была гладкой, щетины почти не отросло...

«Чертовщина какая-то... Уфология...» – вспомнил Сеня мудреное словечко из арсенала Лёхи.

А Лёхи не было тоже...

«Исчез?! Испарился?! А может, он сам уже давно заодно со всякими там чертями? – закралась крамольная мысль. – Проводит над ним какие-нибудь эксперименты, для своей книжки все старается?...»

Теряясь в догадках, Семен зашагал по лугу навстречу солнцу. Методом научного тыка он решил, что ему необходимо идти именно туда. Ну, действительно, не в дремучей же лес?!

Шагалось легко и свободно, дышалось с упоением... Сеня чувствовал, что мог бы получить от такой прогулки истинное удовольствие, если бы не постоянные мысли о том, что он потерялся.

А луг все не кончался. Словно заговоренный горизонт убегал все дальше и дальше.

«Рано или поздно, но на кого-нибудь да наткнусь... – уговаривал себя Сеня и продолжал идти дальше. – В Подмоскowie, да чтобы не встретить живой души?! Быть такого не может...»

А душа все не встречалась... Вернее, встречалось все, кроме души. Сене даже показалось на миг, что он попал в красную книгу: то ему навстречу выскакивала мышка-полевка, то белка... А несколько раз мимо пронеслась стайка то ли лосей, то ли косуль, но в силу слабых знаний флоры и фауны Сеня так до конца и не разобрался.

В желудке начинало предательски урчать, во рту пересохло. Задрав голову наверх, Семен понял, что приближается (второе за сегодняшний день) время обеда.

«Пить надо меньше... Меньше надо пить...» – бубнил он себе под нос, когда вдалеке показалась небольшая деревенька.

«Как и не Подмоскowie вовсе!» – присвистнул в удивлении Семен и прибавил шаг.

И действительно, домики, что предстали его взору, больше походили не на избы в подмосковной деревеньке, а на коттеджный поселок, но только со старорусским уклоном в архитектуре. Строения больше напоминали не элитные загородные дома новых русских, а теремки из сказок: с затейливой резьбой и разноцветными окошками.

На полянке, при входе в деревню, играла и звонко смеялась ребятня. Но как только, прихрамывая от непривычных расстояний на правую ногу, с всклоченной гривой русых волос (от недавнего чрезмерного празднования), к ним приблизился Сеня, тут же, словно стайка диких птичек, детишки разлетелись в разные стороны.

– Хоть бы взрослых позвали! – жалобно крикнул им вдогонку молодой налоговый инспектор и без сил плюхнулся на землю.

Сквозь плотно закрытые веки Сеня неожиданно почувствовал, как на него легла чья-то тень.

Перед ним, застенчиво улыбаясь, стояла крошечная девочка лет пяти в длинном розовом платье и держала в ручонках огромную кружку с водой.

– Хочешь пить... – то ли констатируя факт, то ли спрашивая, пролепетала кроха.

Когда Сеня залпом опорожнил кружку, к нему вернулась способность говорить. Блаженно улыбаясь, он протянул кружку обратно и почти искренне воскликнул:

– Нечего лучше в своей жизни не пил! Вода у вас тут просто волшебная!

Девочка счастливо заулыбалась и, не успев Семен еще хоть что-то произнести, поспешно скрылась за ближайшей изгородью.

– Во народ, какой быстрый! – проворчал Семен и неохотно поднялся с мягкой травы.

Теперь его путь лежал в деревню, до ближайшего взрослого человека, который бы разумительно объяснил ему, где он оказался.

Семен важной походкой коренного москвича вышел на главную улицу деревеньки и удивленно поднял брови. Причин для подобного недоумения было несколько.

Первое, что бросилось в глаза, была дорога, вернее, полное ее отсутствие. Слева и справа от Семена располагались аккуратные домики с низенькими симпатичными оград-

ками, а посередине... девственно и нетронуто... как ни в чем не бывало, росла трава (!): свежая, зеленая, не примятая, которая, казалось, отродясь не знала следов трактора или на худой конец, телеги. Асфальта, бетона или, хотя бы, щебенки – не было и в помине.

Второе, что настораживало, полное отсутствие кого бы то ни было на улице.

– Хотя бы пьяница какой под забором валялся! – удивленно крикнул налоговый инспектор, но тут же замолчал, вовремя сообразив, что говорить самому с собой не лучшее занятие.

Наохлившись от таких странностей, Семен отважно пошел дальше. Из ближайшего полисадничка на него неожиданно выскочил и чуть не сбил с ног мальчуган лет тринадцати.

– Смотри куда идешь! – не удержался от реплики Семен, и вовремя сообразив, что сейчас лучше по-хорошему, уже почти вежливо добавил: – Ты бы лучше подсказал, как у вас тут в деревне главного найди... Начальника...

Мальчишка непонимающе захлопал глазами. Семен постарался сосредоточиться и почти по слогам, сетуя на необразованность деревенского подростка, произнес:

– На-чаль-ник нужен... Пред-се-да-тель!

Подросток захлопал глазами еще пуще прежнего. Но через некоторое время просиял в понимающей улыбке и пискнул.

– У нас такого нет... Может, кого другого надо?

Сеня озабоченно почесал затылок.

«Да, дикие места! – сам не отдавая отчета в своих мыслях, подумал он. – Кого же лучше спросить? При таком порядке милиционер здесь точно должен быть...»

– Парень, мне бы участкового повидать... – наконец, с гордостью от своих дедуктивных способностей, вымолвил молодой инспектор.

Но тут же совсем растерялся. Вместо ожидаемого ответа, паренек торопливо махнул рукой и, уже убегая дальше, прокричал:

– Нет у нас таких! Вам прямо по улице идти надо, а они сами выйдут... Вас за километр понятно!

«Могучий русский язык! – подумал Сеня. – Такую тарабарщину только на нем можно сморозить!» И обиженно махнув в ответ рукой, пошел дальше, как и рекомендовал паренек – прямо. Других направлений просто не существовало.

Не успел он пройти и несколько шагов, как в удивлении понял, что в словах бестолкового мальчишки все же была доля правды. Навстречу ему с огромной дубинкой вышел здоровенный бородатый детина.

– Куда путь держим? – весьма любезно поинтересовался здоровяк.

Вместо того чтобы ответить, у Сени перехватило дыхание. Все, что он мог поделывать, молча переводить взгляд с бородатой, довольной физиономии здоровяка на дубину и обратно.

Когда все-таки к налоговому инспектору вернулся дар речи он, заикаясь, выдал:

– Мне бы до Бирюлевки как-нибудь добраться... Заблудился..

Детина понимающе затряс всклокоченной рыжей гривой волос и, прикрывая, деловито ответил:

– Это оно... да, бывает. Но редкость большая...

– Так куда идти-то? – непонимающе моргнул глазами Сеня. – Что такое бывает я и сам знаю... Вы бы лучше дорогу подсказали...

Рыжий великан озадаченно почесал затылок и явно о чем-то задумался. Семен настоялся. Что-то тут явно было не чисто. Что сложного в том, чтобы указать дорогу? А тут – на тебе, голову чешут да молчат загадочно... Точно, маньяк какой-то лесной...

И только Сеня уже собрался учтиво откланяться и уйти куда подальше, здоровяк громко ответил:

– Надо бы с другими посоветоваться... Далековато тебе будет... дальше добираться... Без помощи не обойтись...

– Далеко – это сколько? – обеспокоено поинтересовался молодой инспектор.

Здоровяк сосредоточенно оттопырил губу и, закатив глаза к небу, произнес:

– Ну, смотря в чем измерять... Если в верстах или километрах – одно... Если в векторах – другое...

При слове «векторы» Сене стало совсем плохо. Теперь он совершенно точно понимал, что каким-то чудом забрел на вольные поселения психов.

– А до Москвы далеко? – задал Сеня контрольный вопрос, чтобы удостовериться в своей догадке окончательно.

Здоровяк, ничего не подозревая, добродушно улыбнулся и весело хохотнув, ответил:

– Да нет ее тут у нас... этой Москвы! Тут только Авелон... А на дубину напрасно так смотришь. Она для игры в лапту. И, кстати, будем знакомы, меня зовут Азимут...

«А меня Меридиан...» – хотел ответить Семен, но вовремя спохватился и решил с больным не связываться. Вместо этого, он весьма учтиво сказал:

– Семен Коновалов – налоговый инспектор...

Почему он вставил ни к селу ни к городу про налогового инспектора, Сеня подумал, только когда уже сказал. Но через секунду он нисколько не сомневался, что поступил правильно. Стоило ему представиться, как в глазах Азимута промелькнуло некое подобие... уважения и... большого интереса. Во всяком случае, именно так хотелось думать Семену.

– А-а-а, милости просим, милости просим! – счастливо воскликнул Азимут. – Тебе бы отдохнуть с дорожки, а мы тут пока посоображаем, как тебя лучше домой вернуть. На своих двоих ты туда вряд ли дотопаешь...

– Дотопаю, дотопаю... – попытался сопротивляться Сеня, но было поздно: его уже куда-то тащили здоровенные ручки Азимута.

Не успел Семен опомниться, как он, минуя длинную лестницу, уже оказался на самом верху высоченной башни, где его встретила симпатичная, аккуратная комнатка с огромными балконами, выходящими на четыре стороны света.

– Куда ни глянь – красота! – восторженно и гордо прокомментировал Азимут свое жилище.

– Только ради этого вида я такую высоченную башню себе и выстроил... Ну, ты пока отдыхай... Если что... я этажом ниже... – и, весело улыбнувшись, добавил: – Самое лучшее – дорогому гостю... Редкость, однако...

И Сеня остался в комнате, в двадцати метрах над землей, один на один со своими мыслями.

А на много километров вокруг простирались бесконечные поля и леса, без каких либо признаков разумной жизни. Казалось, эта деревенька – единственное поселение на целой планете.

«Ну и дела!» – прошептал молодой инспектор и устроился поудобнее в плетеном кресле на самом краю балкона.

Теплый ветерок приятно обдувал лицо. Солнышко ласково припекало. Воздух был кристально чист и прозрачен. А инспектор угрюмо сидел и совершенно терялся в догадках, как и куда его занесло...

Мысль о психушке Сеня уже успел отбросить. Еще никогда он не слышал, чтобы российские психи проживали в таких райских условиях! Пока он поднимался по лестнице жилища Азимута, успел заметить несколько спален, огромную гостиную, бильярдную комнату и... что-то вроде кабинета: с бесчисленными полками книг, глобусами, картами и непонятными приборами... Одним словом, жилище походило больше на дом именитого профессора, что совсем не вязалось с внешностью самого хозяина.

В дверь тихо постучали, и не успел Семен открыть рот, как в комнате показалась девочка-подросток с огромным подносом вкусно пахнущей еды.

– Зёма просил вам обед сюда принести. Говорит уж больно вы взволнованный, лучше Вам одному немножко отдохнуть... Правильно? – застенчиво поинтересовалась девчушка.

– Э-э-э, правильно... – немного засмущавшись от симпатичной мордашки, пролепетал Семен и уже более уверенно добавил: – А как зовут то тебя, красавица?

– Алиа... – прошептала девушка и, скосив глаза, поспешила к двери.

Но не тут-то было. Семен просто так отпускать ее не собирался. Девушка на вид производила впечатление весьма разумной и смысленной.

Вытащив из кармана каким-то чудом притаившийся бумажник и извлекая из него пяти-сотенную, Сеня, заговорщически подмигивая, вкрадчиво шепнул.

– Подзаработать хочешь?... Расскажи поподробнее куда я попал... И получишь денежку...

Девочка с интересом протянула руку к бумажке, и не успел Семен среагировать, как банкнота перешла к новой владелице. Вертя бумажку в руках, вместо ответа девочка расстроено протянула:

– Ничего особенного, наш Никодим лучше делает... – и протянула деньги обратно.

Сеня, в шоке, не поверил собственным ушам. Что бы вот так откровенно признавались в печатанье фальшивых денег?! Налогового инспектора угораздило попасть на фабрику подпольных фальшивомонетчиков! Что ж становилось понятно их нежелание отпускать его просто так. Теперь он был свидетелем преступления!

От такого открытия у Сени закружилась голова. Перед глазами поплыли правительственные награды и ордена за поимку особо опасных преступников.

Но оставалось главное – как можно лучше все разведать и умудриться выбраться отсюда живым!

Напустив на себя вид, как будто ничего и не расслышал, Семен Коновалов весело заявил:

– Да ладно, Алиа. Это я так пошутил... Места здесь замечательные... А мне самое время отдохнуть от мирской суеты... Что да где – мне вовсе и не важно... И так потихоньку разберемся... Да?

Алиа в ответ весело заулыбалась. А Семен продолжил дальше:

– Ты бы мне лучше, красавица, рассказала, много ли тут за постой берут? С наличностью у меня не слишком густо... Но вот если карточки принимаете, тогда у нас наладится отличный диалог и полное взаимопонимание... Так как?

Девочка смущенно пожала плечами и, взяв с подноса, который сама же принесла, теплую аппетитную булочку, и надкусив кусочек, произнесла.

– Вы бы для начала лучше покушали... А насчет постоя, так вы же в гостях... А у нас это святой долг – гостя накормить, напоить и дать ночлег...

«Прямо, сказка про Бабу Ягу!» – подумал Семен, но промолчал.

Пирожки были аппетитные, а блинчики с вареньем и деревенской сметанкой – так и просились в рот. Девочка правильно заметила, сейчас самое лучшее подкрепиться. Для разведки, что ни говори, нужны силы.

Сочно причмокивая, Сеня принялся за еду. Алиа, доев пирожок, незаметно вышмыгнула из комнаты. Но Семен сильно и не расстроился. Девочки-подростки его всегда настораживали. Он вспоминал себя в этом возрасте и каждый раз признавал, что в такие годы в голове может быть только ветер.

А угощение было великолепным. Помимо несметного числа всевозможных пирожков, булочек и расстегайчиков, в одной из мастюшек он обнаружил отменную красную икру. Раз-

ложив на тарелке румяный блинчик, смазав его маслицем и обильно заправив икрой, Семен с упоением приступил к поеданию обеда.

День незаметно перевалил за вторую половину. После сытной еды Сеня с балкона сонно обозревал девственные поля и лениво размышлял, что если он приляжет на часок отдохнуть, ничего страшного не случится.

С открытого настежь балкона пахло ночной прохладой и влагой. Сеня открыл глаза. Бодро подскочив на постели, молодой человек с удивлением заметил, что проспал весь остаток дня. Но чувствовал при этом он себя на удивление великолепно! Как будто сам воздух дикой природы вдохнул в него энергию жизни.

Быстро умывшись и приведя себя в порядок, Семен поспешил навестить хозяина дома. Нашел он его не сразу. Несколько долгих минут ему пришлось обстукивать (уже, правда, закрытые на ключ) многочисленные двери башенки. Но, как оказалось, Азимут ждал гостя на улице.

Во дворе, рядом с зеленой беседкой, горел яркий костер, и от него тянуло тонким запахом почти готового шашлыка. Рядом с костром на пеньке восседал и сам хозяин.

– А-а-а, я тут как раз тебя вспоминал! – дружелюбно поприветствовал Азимут гостя. – Проходи, присаживайся! Шашлычок уже почти готов...

Семен поспешил к костру, не преминув при этом внимательно оглядеться. Вокруг раскинулся ночной сад и тишина. До ближайшего соседнего владения было не менее нескольких сот метров.

Заметив его взгляд, Азимут, усмехнувшись, ответил:

– Всегда любил одиночество... подальше от других. Вот и поселился на самой окраине.... Природа мне гораздо ближе, чем любой человек...

– А как же Алиа? – поинтересовался Семен.

Сейчас ему даже стало немного жалко веселую и симпатичную девчущку, которую он сразу же записал в сестры Азимута. Что-то в них было общее. Нет, не банальное сходство носа или глаз... Нет, что-то гораздо большее... Родство душ, наверное...

Азимут весело затряс гривой рыжих волос.

– Ну, Алиандра – это совсем другое... К ней мои слова не относятся... С ней нас свели звезды...

– Разве она не твоя сестра?! – удивился Семен.

В ответ Азимут задорно хохотнул.

– Да разве мы с ней похожи? Она же красавица, а я – рыжее чудовище!

– Но она еще совсем ребенок? – растерянно ляпнул Сеня.

А про себя подумал: «Вот тебе и девочка – ветер в голове... А сама уже с кавалером! Что за времена, что за нравы... Скоро с пеленок к мужикам будут липнуть!»

– Поэтому мы пока и дружим... – невозмутимо ответил Азимут.

От такого заявления у Сени чуть волосы дыбом во всех местах не встали.

«Ха! Дружим! Здоровый детина и маленькая девочка! Педофил, и еще шифруется!» – злобно подумал молодой инспектор.

В дружбу между мужчинами и женщинами он не верил принципиально. А особой противоположного пола считал тактическими противниками, против которых стоит постоянно держать круговую оборону. Иначе не миновать капкана и взятия в пожизненный плен!

В слух же Сеня сказал:

– А я и не догадался... Надо же... Но дружба – она штука хорошая! – и как бы между прочим решил перевести разговор на более важные темы: – А как там насчет моего возвращения? Места у вас тут волшебные, заповедные! Перед отъездом хотелось бы ознакомиться... Как говорить, на прощанице!

– Это можно... – протянул рыжий великан. – Тем более, что с отъездом, видно, заминочка получится... Время не то... Техника нужна... А с этим сейчас напряженно... Только ты не расстраивайся, поживешь у меня, отдохнешь... Места, сам говоришь, тебе наши понравились... Денек, другой... А там, глядишь, чего-нибудь и придумаем...

– Так-то оно так... Все равно у меня отпуск начался... Только мне бы позвонить нужно... А то мои волнуются...

Казалось, такая простая просьба застала великана врасплох.

– С этим у нас туговато, – неуверенно ответил он. – Может, лучше письмом?

Сеня, не веря собственным ушам, недоуменно уставился на великана. До сих пор налоговый инспектор был в полной уверенности, что на земле нет такого места, где бы не было телефонов или не работал сотовый. А тут – на тебе! Живут вроде прилично, а с телефонией беда...

– Письмом, так письмом... – неохотно согласился он. – А когда у вас тут почту будут относить, может, и я с ней пристроюсь?

Азимут опять на мгновение задумался. Казалось, что он погрузился куда-то очень глубоко в собственные мысли. И когда Сеня уже и не надеялся на ответ, великан провозгласил:

– Почта у нас воздухом... Больше одного человека туда не поместится.

«Позабыт, позаброшен, – горько подумал Сеня. – В глуши, непонятно где... Пить надо меньше... Меньше надо пить!»

Как ответ на его слова, Азимут, словно фокусник, непонятно откуда извлек симпатичную хрустальную бутылочку с подозрительно знакомой прозрачной жидкостью внутри.

– Самогоночка собственного производства, по особой рецептуре! – важно заявил он.

– Изумительно подходит под любое блюдо и греет душу... Выпьем по маленькой, и ты напишешь свое письмо. А завтра его уже заберут, – добавил Азимут, глядя на озабоченное лицо Семена Коновалова.

От последних слов Сеня почувствовал себя немного лучше. Лицо у Азимуто было наилучшее, а улыбка – удивительно искренней.

«Может, они и фальшивомонетки, но на убийц нечаянно заблудившихся людей совсем не похожи», – облегченно подумал молодой инспектор.

А закоренелых преступников он чуял за версту... Нет, эти были другой масти. Совсем другой!

Тем временем Азимут умело управляясь с шампурами, разложил по тарелкам аппетитные, дымящиеся куски мяса, нарубил целое блюдо зелени и водрузил на стол миску овощей.

– Милости просим, дорогой гость! Угощайся, Сеня, мы тебе очень рады!

И Сеня не успел понять, как его рука сама опрокинула в рот маленькую рюмочку с прозрачной жидкостью...

Вкус был просто удивительный! Ни на что не похожий! А послевкусие отдавало ароматом дикого меда и дыханием лесных трав!

– Вот это да! – не удержался Семен от восхищенного восклицания. – Никогда раньше такого не пробовал!

– Так ты раньше никогда в наши края и не попадал! – весело ответил хозяин. – Такое только у нас и бывает – пей сколько хочешь, а завтра никакого похмелья!

Последние слова хозяина совсем приободрили молодого инспектора – и, лихо закусывая шашлычком и пряной травкой, Семен приступил к «старорусской забаве». После первого графинчика разговор начал приобретать особо доверительные нотки, и Семен, в порыве пьяной искренности, все же не выдержал, да и выложил про свои наболевшие раны.

– Вот я, Азимут, – философски закатив глаза на звездное небо, сетовал он, – совсем тебя не понимаю. Что значит «дружите» или Вас «свели звезды»?.. У меня все намного проще и банальнее... Её зовут Юля. Встретились мы на улице нос к носу совершенно случайно.

Никакие звезды нас не сводили. А что касается дружбы... Ну как же с бабой можно дружить?! Ведь оно у баб как: пришло время, встретила более или менее подходящего мужика и давай его женить да детей от него заводить... Какая же тут дружба?!

В ответ Азимут только пожал плечами и, всматриваясь куда-то вверх, в бесконечные просторы неба, через некоторое время ответил:

– Не судья я, чтобы судить, как у Вас там, да что... Я только знаю, как у нас... Здесь мы вместе, если друг без друга никак... Такое, правда, случается далеко не с каждым и до сих пор никто не решил, а как оно лучше... Но я точно знаю, что с Алиандрой я счастливее... Лучше, что ли... При ней вся моя неотесанность куда-то испаряется, я могу мечтать, творить, думать о великом... Оно, конечно, есть и те, у кого все по-другому. Но судить не буду... Может, у вас все переменится... Может, ты еще и сам не понял своего счастья... А может, твое счастье впереди... Время... оно покажет, а пока живи, радуйся, наслаждайся!

Сеня, пожевывая огурчик, внимательно слушал Азимуа и сам не понимал, как недавно мог принять его за сумасшедшего. Что-то в словах его нового знакомого было, только Сеня во хмелю никак не мог ухватить более точно, что, но сердцем чувствовал, есть в его рассуждениях истина...

«Да, сердцем!» – Сеня неожиданно присвистнул от такого открытия.

Давно он так не рассуждал: «Думать сердцем!»

Много лет подобное казалось давно атрофировавшейся возможностью из детства, о которой он и думать забыл! А оно вон как теперь, на свежем воздухе, пробрало!

«Так дело и до слезы дойдет!» – зло подумал Семен Коновалов и решил перевести разговор в менее лирическое русло.

– Ты бы лучше, Азимут, про достопримечательности ваши рассказал. Что у вас тут в селении интересного, особенного... Может, до отъезда на что посмотреть стоит?..

Великан в ответ только весело улыбнулся и, хитро прищурившись, крикнул:

– Да у нас тут, куда ни плюнь, для тебя – сплошные достопримечательности!

«Вот заливаешь под пьяную лавочку!» – подумал Семен и, старясь побольше вывести про подпольное печатанье денег, вслух добавил:

– Мне тут Алиа про какого-то искусного мастера говорила... Никодимом его зовут, по моему...

– Вот девчонка болтливая! – непроизвольно вырвалось у Азимуа.

А Семен, поняв, что нащупал то, что нужно, тут же усилил натиск.

– А что же в этом такого?! – невинно хлопая глазами, залепетал налоговый инспектор. – На настоящего мастера всегда радостно посмотреть! Познакомь, Азимут! Век не забуду!

Великан только недовольно затряс головой и опять, словно погрузившись куда-то глубоко в собственные мысли, на мгновение замер. Когда он пришел в себя, то более спокойно ответил:

– Ладно, может, оно и к лучшему. Утро вечера мудренее. Завтра все окончательно и решим. А пока пора спать. Доброй ночи...

И не успел Сеня в ответ открыть рот, как хозяин дома поспешно скрылся в густом кустарнике, что в изобилии рос за беседкой. Костер сам начал медленно угасать, пока не превратился в выпускающие тонкий дымок уголяшки.

«Видно, перебрал», – подумал Семен и, покачиваясь, побрел на самый верх башенки в отведенную специально для него комнату.

Пробило двенадцать. Сеня, облачившись в найденную на кровати пижаму, сладко позевывая, лег спать. За окном застучали мелкие капли начинавшегося дождика. В печной трубе тихо завывал ветер.

Поворачиваясь с боку на бок, Семен попытался заснуть. Но как на зло сон не шел. В голове вертелись обрывки недосказанных фраз, почему-то разбегающиеся в разные стороны дети, странный мальчишка с непонятной тарабарщиной, застенчиво улыбающаяся Алиа, Азимут... Все казалось и обычным, и странным одновременно...

Сеня недовольно потер взмокший лоб. И решил встать с постели. Нужно было подышать свежим воздухом. Что ни говори, а он лучше всего прочищает хмельную голову.

Открыв глаза, Семен занес ногу над полом, чтобы встать, но тут же замер. Прямо на него из окна смотрело бледное лицо девушки: луна тускло высвечивала его черты и терялась в длинных, темных, струящихся по обнаженным плечам волосах.

Сеня в ужасе зажмурился и залез с головой под одеяло.

«Пьяный бред, начался пьяный бред...» – нервно подумал он.

Но, немного отдышавшись и приведя мысли в относительный порядок, все же отважился выглянуть из-под одеяла и удостовериться, что ему померещилось.

И вправду, на этот раз в окне никого не было. Собрав все свою храбрость и повинувшись необъяснимому любопытству, Сеня, осторожно ступая, начал подкрадываться к окну.

Там по-прежнему никто не появлялся.

Наконец, Сеня подкрался вплотную и, выглянув с двадцатиметровой высоты, установился на залитую лунным светом лужайку. Дождик уже прекратился, и вокруг витал запах ночной свежести и травы.

«Должно быть, приснилось», – вынес вердикт Семен и уже собирался лечь спать, как неожиданно где-то внизу послышался веселый девичий смех.

Сеня осторожно выглянул еще раз и... так и застыл. На лужайке, схватившись за руки, весело кружила хоровод и смеялась обнаженная стайка девушек. Длинные распущенные волосы ниспадали до тонких талий, крепкие упругие груди вызывающе выдавались вперед. Неожиданно одна из девушек посмотрела в сторону молодого человека.

Семен задрожал. В резких и красивых чертах он узнал то самое лицо, что пристально смотрело на него из окна. Так же стремительно, как и посмотрела, девушка отвернулась и затерялась в толпе.

Картинка на лужайке переменилась. Теперь в центр хоровода выскочил огромный бурый медведь и на задних лапах принялся гоняться да девушками и пытаться их поймать. Обнаженные нимфы в ответ только весело хохотали и ловко уворачивались от огромного зверя. Тут на помощь ему пришло несколько крепких парней, обряженных в звериные шкуры. Число девушек и мужчин сравнялось.

Откуда-то из воздуха послышался нарастающий бой барабанов. В такт ему участники принялись кружиться в сумасшедшем и одновременно прекрасном танце. В центр лужайки, волоча за собой мнимую жертву, выскочил один из парней в шкуре волка. Под звуки все нарастающего боя и улюлюканье толпы они принялись страстно совокупляться на глазах у всех.

Когда все закончилось, ритмы барабанов начали постепенно стихать. Стайка обнаженных нимф в обнимку с наряженными в животных парнями скрылась за густым кустарником. Утихший дождик принялся опять еле заметно накрапывать.

Сеня нервно вытер вспотевшие руки. Но это не помогло. В висках по-прежнему продолжал стучать ритм барабанов, кровь прилила к липу, а сердце так и норовило выпрыгнуть из груди. На трясущихся в коленях ногах, Семен, неуверенно ступая, попытался дойти до постели. Добравшись, он без сил упал в мягкие подушки и почувствовал, что этой ночью заснет навряд ли. В глазах, как живое, стояло лицо неизвестной девушки. Огромные, сверкающие глаза... Алый влажный рот... Сводящая с ума обнаженная грудь, бедра...

Образ девушки, словно наваждение, продолжал преследовать Семю всю ночь, ни на миг не отпуская и не давая забыться...

На утро, когда запели первые петухи, налоговому инспектору все-таки несколько минут удалось подремать. Но когда все же пора было вставать, чувствовал он себя не лучшим образом. Под глазами пролегли синяки, взгляд стал нервным и настороженным. В теле поселилась усталость и тайное ожидание. Одним словом, Семен выглядел больным. Больным то ли страхом, то ли... истомой... Но последнее предположение молодой налоговый инспектор отгонял, как дурной сон. С ним такого случиться не могло! Хотя каждый раз при мысли о ночной незнакомке сердце не слушалось горделивого хозяина и предательски екало.

Отогнав навязчивые мысли и, более или менее приведя себя в надлежащий вид, Семен пошел спускаться к завтраку.

– Утро доброе! – поприветствовал его Азимут с залитой солнцем террасы, но тут же, при взгляде на гостя, осекся и замолчал.

В ответ Семен только что-то нечленораздельно буркнул и, словно мешок, плюхнулся на плетеное кресло.

После нескольких глотков кофе к налоговому инспектору вернулась способность мыслить трезво. Подозрительно сощурившись и пристально глядя на Азиму́та, он спросил:

– Что это у вас тут по ночам за безобразия творятся?! Буянят и людям спать не дают! В окна пугают!... Натуральный шабаш!

Азимут от услышанного так и застыл с ложкой у рта. После продолжительной паузы хозяин, опустив глаза куда-то в пол, еле слышно пробурчал:

– Вот то-то оно и то... Можно сказать и так... – и уже более уверенно добавил: – А нам к Вельде пора. Ей и пожалуешься. Она у нас мастер по части наведения порядка. Тем более как пить дать там и ее разбойницы затесались...

– Вельда? Кто такая Вельда? – недоуменно уставился Семен на рыжего великана.

Встречаться с какой-то подозрительной дамочкой ему совершенно не хотелось. Куда важнее для него был фальшивомонетчик Никодим. Собравшись с духом, Сеня сделал попытку сопротивляться:

– Мы же к мастеру Никодиму собирались. При чем тут эта Вельда?

Азимут довольно крикнул в рыжую бороду.

– Потому и к Вельде, что она ему женой будет!

Это меняло дело, и Семен, успокоившись от услышанного, с удовольствием принялся за завтрак.

На террасу птичкой влетела улыбающаяся Алиандра и, радостно всех поприветствовав, примостилась на свободном кресле. Набив рот сочными ягодами, она принялась что-то весело вполголоса рассказывать Азимуту и при этом энергично жестикулировать. До Сени только доносились обрывки восторженных фраз, из которых молодой инспектор понял, что девушка говорит о каком-то очень важном празднике, где ей позволили принять участие.

Сеня обиженно уткнулся в свою тарелку и предпочел не вмешиваться в разговор двух голубков. Сегодня у него были более важные дела, а именно – разведка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.